

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Кейт Родс

Кладбище Кроссбоунз

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р61

Kate Rhodes
CROSSBONES YARD

© Kate Rhodes 2012

Разработка серии А. Саукова
Иллюстрация на обложке Вячеслава Коробейникова

Родс, Кейт.
Р61 Кладбище Кроссбоунз / Кейт Родс ; [пер. с англ.
А. В. Бушуева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-96434-5

Элис Квентин, в прошлом жертва семейного насилия, до сих пор испытывает серьезные психологические проблемы. Она не только борется с ними, но и помогает другим людям — для того и стала психотерапевтом. Единственный человек, которому Элис никак не может помочь, — ее собственный брат, чья психическая болезнь усугубляется приемом наркотиков. В последнее время его поведение стало особенно странным, с ним явно происходит что-то зловещее. Но это еще не самое страшное. Один за другим Элис находит два женских трупа, словно специально подкинутых так, чтобы именно она их обнаружила...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А., перевод на русский язык,
2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96434-5

Пролог

Мать держит меня за руку слишком крепко. Хнычу и отчаянно цепляюсь за ее платье, потому что знаю, что будет дальше. Она смотрит так, словно забыла, как моргать. Потом заталкивает меня в шкаф под лестницей, и я больше не вижу ее лица.

— Ни звука! — шипит она. — И не смей дышать!

Ключ поворачивается в замке, плотным одеялом накрывает темнота. Если повезет, он не найдет меня, сжавшуюся в комок на полу между веником, швабрами и грудой старых резиновых сапог.

Отец все ближе и ближе. Даже его тяжелая поступь по вытертому линолеуму звучит зловеще. Он бродит по всему дому, ища, на ком можно выместить свой гнев. Сейчас он так близко, что я ощущаю его запах. Запах виски, смешанный со сладковатым духом хереса, который он прячет в гараже, и запах еще чего-то, горького и непонятного. В щели яркими иглами впиваются солнечные лучи. Повсюду пыль. Когда я встаю, черная школьная юбка оказывается серой. Завтра я выйду к завтраку, и он будет орать на меня. Знаю, что он скажет. Обзовет неряхой, которой должно быть стыдно. Шаги удаляются. Можно вздохнуть.

В дырочку от вытавшего сучка видна гостиная. Мать молчит, а отец ждет, когда она пошевелит-

ся или начнет спорить. Ему нужен повод пустить в ход кулаки. Мой рот полон пыли. Закрываю глаза и пытаюсь сглотнуть. Когда я снова открываю их, вижу, что мама схвачена. Схвачена отцом за плечи, и ее руки безвольно свисают вниз.

Тем временем брат пытается вжаться в стену, оклеенную обоями в цветочек. Кто знает, о чем он думает. Его лицо перекошено не то гримасой испуга, не то кривой улыбкой. Отец лупит мать кулаками по рукам, по ребрам, бьет в живот. Завтра она подкрасит губной помадой губы и как обычно пойдет на работу. Соседи и на этот раз ни о чем не узнают. Но однажды отец зайдет слишком далеко. «Скорая помощь» увезет ее в больницу, и никто не вспомнит, что меня нужно выпустить.

Сильнее всего меня пугает выражение лица брата. Оно спокойное, словно он смотрит любимую телепередачу. Шкаф уменьшается в размерах, и через несколько секунд мне уже не хватит воздуха. Хочется выбежать на свет, но приходится оставаться здесь до тех пор, пока отец не уgomонится. Из-за двери слышны глухие удары отцовских кулаков. Мать изо всех сил сдерживает слезы, но иногда ей это не удается, и с губ слетают сдавленные стоны. Брат все так же вжимается в стену, фиксируя в памяти действия отца.

Звуки избиения стихли. Он оставил мать, но я знаю, что будет сейчас. Отцовские шаги возвращаются. Он знает все тайные места в доме. Он отобрал у матери ключ, и ему глубоко плевать на мои мольбы.

— Рева-корова, — говорит он и бьет меня с еще большим остервенением.

Глава 1

Не отваживаясь войти внутрь, я заглянула в металлический ящик. Знакомый запах больничных лифтов: запах жидкого мыла и антисептика с примесью мочи и страха. Однажды я заставила себя преодолеть в нем путь до двадцать четвертого этажа, чтобы попасть в отделение психологии. Прodelала его с закрытыми глазами и задержав дыхание.

Не из-за скорости, из-за тесноты. Здесь мало воздуха и нет выходов, через которые можно спастись, если что. Придержав рукой дверь, я заставила себя войти. Волна паники тотчас же накрыла меня с головой, и я почувствовала под грудной клеткой выброс адреналина. С зеркала на противоположной стене на меня глядело отражение. Лицо белое как мел, в глазах застыл страх. Очень похожа на маленькую светловолосую девочку, нарядившуюся в самое красивое платье матери.

Пятясь, я вышла из лифта. Двери с лязгом хлопнулись, едва не прищемив пальцы. Теперь мне не оставалось ничего другого, как зашагать вверх по лестнице, преодолевая двести семьдесят восемь ступенек. На каждой лестничной площадке таблички. Все они давно отпечатались в моей памяти: онкология, урология, ортопедия, рентген. Но, по крайней мере, ежедневный подъем наверх поддерживает

меня в хорошей физической форме — при размеренном шаге я преодолеваю этажи меньше чем за шесть минут.

Я изрядно запыхалась, когда наконец вошла к себе в кабинет; перед первым приемом оставалось всего несколько свободных минут. Переобулась, сменив кроссовки на приличную пару туфель на каблуке. Одно из неписаных правил психотерапевта: если хочешь убедить пациентов в том, что окружающий мир безопасен и упорядочен, нужно быть хорошо одетым. Как оказалось, переобувалась я зря.

К экрану компьютера была прилеплена записка, в которой сообщалась, что мой утренний прием отменяется и через час заедет офицер полиции. На секунду у меня подкосились ноги. Я тотчас же представила себе брата, запертого в камере предварительного содержания, каким видела его в последний раз. Тогда он сыпал проклятиями в адрес любого, кто осмеливался задать ему вопрос или даже предложить чашку чая. Потом вспомнила, что на этой неделе мое имя стоит в расписании дежурств городской полиции, и мой пульс снова пришел в норму.

Электронный почтовый ящик был забит новыми сообщениями: приглашение выступить в апреле на заседании Британского общества психотерапевтов, восемь направлений от терапевтов, десятки рассылок от фармацевтических компаний, предлагавших безумные взятки. По идее, следовало просмотреть истории болезней, но мой взгляд то и дело обращался к окну. Небо было белым и по-январски тоскливым, но вид из окна оставался все таким же потрясающим. Вокзал у Лондонского моста напоминал игрушечную железную дорогу, куда постоянно прибывает и откуда отъезжает около десятка поездов. Чуть восточнее, изгибаясь под Тауэрским мостом в

направлении Кэнери-Уорф, несла свои бурые воды Темза. На крышах банков светились красные огоньки, а ниже банковские служащие мухлевали с деньгами. В противоположном направлении вдоль реки теснились ряды офисных зданий высотой почти с собор Святого Павла. Для девушки из пригорода это самое шикарное зрелище в мире.

Вскоре после десяти по коммутатору сообщили, что в приемной меня дожидается посетитель. Спустившись на первый этаж, я увидела возле входа необъятного мужчину в светло-сером костюме. На расстоянии он казался абсолютно круглым.

— Доктор Квентин? — Для человека столь внушительных габаритов он приблизился ко мне с поразительной грацией. — Старший инспектор Дон Бернс из полицейского управления Саутварка. Спасибо, что уделите время.

У него странный говор — смесь простонародного диалекта Южного Лондона и утонченного эдинбургского. Из-за толстых стекол очков в черной оправе на меня смотрели маленькие, но пытливые глаза, а круглое бледное лицо напоминало луну.

Я ответила вежливой улыбкой, но меня так и подмывало напомнить этому Бернсу, что у меня нет выбора. Наше отделение обязано помогать полиции в проведении медико-психологических экспертиз. Считалось, что любую другую работу, сколь бы важной та ни была, можно отложить на потом.

Мы вместе вышли на автостоянку, где старший инспектор в течение нескольких минут пытался втиснуться между сиденьем и рулем грязноватого синего «Мондео». Салон вонял затхлым кофе, фритюром и табачным дымом. Должно быть, по пути ко мне инспектор заехал подкрепиться в «Макдоналдс», после чего наспех курнул.

— Вы могли бы и не заезжать за мной. Я и сама пришла бы в участок, — заметила я.

— Мы поедем не туда. Я отвезу вас в другое место.

И Бернс покати́л на юг, чертыхаясь себе под нос в адрес потока машин на Боро-Хай-стрит. Похоже, что, следя за дорогой, он забыл о моем присутствии и вспомнил лишь на набережной.

— Старший инспектор уголовного розыска. Это ведь высокий чин, верно? — спросила я.

Бернс по-прежнему не сводил глаз с дороги.

— Не очень. Я отвечаю за безопасность в моем районе.

— Большая ответственность. Неужели никто из ваших подчиненных не мог заехать за мной?

— Я никому не хотел это поручать, — ответил Бернс. Мы проехали мимо электростанции в Баттерси, похожей на опрокинутый вверх ножками гигантский бетонный стол. — Мы едем на встречу с Моррисом Клеем. Слышали о таком?

— Краем уха. Он, кажется, кого-то убил?

— Верно, — хмуро подтвердил Бернс. — Четыре года назад в Бермондси проститутку по имени Джинни Андерсон. Завтра выходит из Уэндвортской тюрьмы на свободу. Какой-то ушлый адвокат сумел ровно наполовину скостить ему срок.

— На каком основании?

— На том, что якобы нет надежных улик, — вздохнул Бернс. — Полная чушь. Ему удалось убедить судью, что у Клея якобы были трудности с обучением.

— Но на самом деле все не так?

— Нет, конечно. — Бернс со злостью посмотрел на дорожную пробку впереди. — Этот скользкий ублюдок притворяется дурачком, но на самом деле

водил нас за нос. Хочу проверить, насколько зорко придется за ним следить.

— Похоже, он не из числа ваших любимчиков.

— Точно. Этот Клей — хитрюга еще тот. — Бернс сердито щелкнул индикатором, будто хотел вырвать его с корнем и вышвырнуть в окно. — Хотите знать, с кем водила дружбу его мать?

— Хочу. И с кем же?

— С Рэем и Мэри Бенсон.

Я не сразу нашлась с ответом. Слышала о Бенсонах: один мой друг из муниципальной клиники Модсли был психологом-консультантом по этому делу. Рэй и Мэри несколько месяцев оставались главной пищей многих таблоидов. Фото убитых ими девушек украшали первые полосы всех газет, словно они кинозвезды. Некоторых нашли зарытыми во дворе принадлежавшего Бенсонам хостела, рядом с Саутварк-Бридж-роуд. Еще одну обнаружили в саду, другую в дымовой трубе, еще нескольких — на пустыре. Любой, кто в те дни читал газеты или смотрел телевизор, знал — причем больше, чем хотел, — о любимом занятии этой омерзительной парочки.

Тем временем в окне машины показался парк Уэндворт-Коммон. Как обычно, по дорожкам прогуливались мамы с колясками. По периметру парка нарезали круги любители бега трусцой, не имея, видимо, никаких других дел.

— Вам доводилось бывать в Уэндворте? — поинтересовался Бернс.

— Не имела удовольствия.

— Настоящий рай, — пробормотал старший инспектор. — Полторы тысячи гавриков, сидящих на всех мыслимых видах наркоты.

Тюрьма являла собой странный гибрид готического замка и викторианского рабочего дома. За-

мызганные окна, а ворота такие огромные, что в них без труда проедет фура. Здание почти заслоняло небо.

— Добро пожаловать в самую большую каталажку Англии. — Бернс небрежно взмахнул на входе удостоверением, и дежурный охранник жестом пропустил нас на территорию.

В комнату для допросов вел коридор длиной едва ли не в милю. Когда-то давным-давно потолок и стены здесь были белыми. Вскоре я пожалела, что не надела утром чего-то попроще. Юбка была слишком узкой и стесняла движения, каблуки щелкали по выложенному плиткой полу, как кастаньеты. По лицу моего спутника градом катился пот.

— Этого подонка сейчас держат в Онслоу, — пыхтя, пояснил Бернс, — ради его же собственной безопасности. Завтра этот типчик получит не слишком-то много пожеланий доброго пути.

— Как он убил эту девушку? — уточнила я.

— Это невозможно описать нормальными словами, — ответил Бернс и вытер лицо большим белым носовым платком. — Короче, он трахнул ее и...

— Между ними что-то было?

— Боже упаси, нет, — Бернс был потрясен моим вопросом. — Этот тип утверждает, что, мол, они были любовниками, но вы сами увидите, что он врёт.

— Да, будет интересно взглянуть.

Бернс мясистым указательным пальцем подтолкнул очки выше к переносице.

— Кстати, она была чем-то похожа на вас, — взгляд старшего инспектора задержался на мне. — Миниа-тюрная, зеленые глаза, светлые волосы до плеч.

— Хотите сказать, я в его вкусе?

— Боюсь, да.

В коридоре наши шаги сделались громче. Я всегда ненавидела тюрьмы. В них буквально все вызывает непреодолимое желание броситься вон. Особенно тюремные звуки. Лязганье ключа в замочной скважине слышно за милю.

Как только Морриса Клея ввели в комнату для допросов, мне стало ясно, почему ему приходилось платить за секс. Седые волосы торчали в разные стороны неопрятными клочьями. Буквально все на его лице было каким-то не таким. Чересчур массивные надбровья, слишком глубоко посаженные глаза непонятно какого цвета. Судя по нездоровому цвету кожи, он уже много недель не выходил на свежий воздух.

Мы обменялись рукопожатиями; Моррис Клей задержал мою ладонь в своей на пару секунд дольше необходимого. Его прикосновение было противным и липким. Мне захотелось выбежать вон, чтобы хо-рошенько сполоснуть руки.

— Здорово, Моррис! — рявкнул Бернс со своего места в углу.

Клей нахохлился, подняв узкие плечи едва ли не до ушей, глаза забегали с пола на окно и обратно. Он осторожно опустил на пластмассовый стул, будто опасался, что тот под ним взорвется.

— Я слышала, что завтра вы возвращаетесь домой, — произнесла я.

— Нет у меня никакого дома, — ответил Клей. Голос высокий и надрывный; казалось, ему не хватало воздуха.

— Чушь! — оборвал его Бернс. — Вернешься к своей мамочке.

— Она умерла, — нахмурился Клей.

— И давно вы лишились матери? — уточнила я.

Мой вопрос, видимо, застал его врасплох; прежде чем ответить, он принялся медленно высчитывать что-то на пальцах.

— Пять месяцев, одну неделю и два дня назад.

— Я сочувствую вам, поверьте, — сказала я. Он продолжал изучать свои тонкие пальцы с узловатыми суставами.

— Так как, Моррис, ты раскаиваешься? — спросил Бернс ледяным тоном, способным заморозить все вокруг. — Ты сожалеешь о том, что сделал?

Реакция на вопрос последовала незамедлительно. Голова Клея поникла чуть ли не до колен, будто кто-то перерезал нитку, которая держала ее прямо.

— Это не я, — прошептал он. — Я даже не прикасался к ней.

— Прекрати! — раздраженно прошипел Бернс. — Я устал от твоего вранья!

Я по-прежнему сохраняла спокойствие. Мне проще понять сущность Клея, наблюдая за его реакцией, чем задавая вопросы. Все его тело сотрясала дрожь, взгляд устремился в пол. На грязный линолеум упала слезинка.

— Только, пожалуйста, без сцен, Моррис, — проскрипел старший инспектор. — Мне это еще в первый раз до чертиков надоело.

Когда Клей наконец поднял голову, на его лице читалась смесь страха и презрения. Он походил на ребенка, который скорее убежит, чем позволит, чтобы ему снова устроили трепку.

— Расскажите, что случилось с вами, Моррис, — тихо попросила я.

— Джинни была моей подружкой. Я даже иногда давал ей деньги. Хотел, чтобы у нее были красивые вещи.

Стоило Клею заговорить о Джинни, как его фальцет сделался не таким писклявым.

— Как долго вы были знакомы с ней?

Клей, прежде чем ответить, задумался.

— Давно. Я виделся с ней каждую неделю. Просил ее стать моей подружкой.

— И что она на это ответила?

Его голова снова поникла, и на колени тюремного спортивного костюма упала новая слеза.

— Она сказала, что недостойна меня, — произнес Клей, пытаясь успокоиться, и потер кулаками глаза.

— Но вы с этим не согласились, верно?

Моррис Клей яростно мотнул головой.

— Она любила меня. Я знаю, что любила, потому что иногда оставляла с собой спать.

Бернс шумно вздохнул, и Клей тут же замолчал. Ворот его футболки был черен от грязи, и я подумала, что он опасается лишней раз заглядывать в душ.

Неудивительно, что его содержат под усиленной охраной. Моррис Клей — типичная жертва. Да у него это на лбу написано. Светится, как неоновая реклама.

Мы с Бернсом встали, чтобы уйти, и взгляд Клея задержался на моем лице.

— Элис Квентин, — медленно повторил он мое имя, пытаясь запечатлеть его в памяти.

* * *

На обратном пути Бернс остановился возле какой-то дешевой закуской на Уэндворт-роуд.

— Вы ему явно понравились, — прокомментировал мой спутник. — Знаете, вы себя отлично держали. Некоторые из моих девчат боятся оставаться с Клеем в одной комнате. Говорят, мурашки по спине.